

Нет автора

**Отчет о двадцать восьмом присуждении
наград графа Уварова**

**Приложение к 53 тому Записок Имп. Академии
наук №4**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Отчет о двадцать восьмом присуждении наград графа Уварова: Приложение к 53 тому Записок Имп. Академии наук №4 /
Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 145 с.

ISBN 978-5-458-00262-2

ISBN 978-5-458-00262-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЧЕТЪ

0

ДВАДЦАТЬ-ВОСЬМОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА ,

читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ
25-го сентября 1885 года, Непремѣннымъ Секретаремъ Академикомъ
К. С. Веселовскимъ.

Нынѣшняя раздача Уваровскихъ наградъ невольно пробуждаетъ горестное воспоминаніе о тяжелой утратѣ, постигшей Академію. 29-го декабря прошлаго года не стало учредителя этихъ наградъ, графа Алексѣя Сергіевича Уварова. При этомъ имени встаетъ передъ нами свѣтлый образъ человѣка, положившаго всю свою душу на служеніе русской наукѣ.

Еще юношей, въ годы ученья, когда онъ, по совѣту своего родителя, занимался языками и словесностью классической древности, онъ уже чувствуетъ въ себѣ влеченіе къ отечественной исторіи и археологіи, которымъ и остается вѣренъ до послѣднихъ дней своихъ, и для которыхъ оказываетъ въ послѣдствіи огромныя, незабвенныя услуги. Вся жизнь его была непрерывнымъ рядомъ самыхъ разнообразныхъ трудовъ, внушенныхъ ему одною и тою же мыслью о пользахъ науки и согрѣтыхъ однимъ и тѣмъ же огнемъ — любви къ отечеству, къ его славѣ, къ памяти его минувшихъ судебъ. Пробѣгая мысленно ученое поприще графа Алексѣя Сергіевича, мы невольно благоговѣемъ предъ этою цѣльностью характера, предъ этою твердостью убѣжденій, предъ этою послѣдовательностью

стремлений, направленныхъ къ одной цѣли — пробудить у насъ повсемѣстно вниманіе и любовь къ отечественной древности. Уже въ ранней молодости начинаетъ онъ съ особымъ стараніемъ собирать древнія русскія монеты, медали и рукописи, и такимъ путемъ постепенно образуетъ у себя богатѣйшую сокровищницу памятниковъ этого рода, которую радушно открываетъ для всякаго желающаго ею пользоваться. Руководимый тою же мыслью объ обогащеніи археологіи новыми фактами, онъ, при первомъ вступленіи своемъ на ученое поприще, пробуетъ свои юныя силы и запасается опытностью на производимыхъ имъ раскопкахъ по берегамъ Чернаго моря, въ мѣстахъ процвѣтанія древне-греческихъ колоній. Нѣсколько позже, онъ раскапываетъ дотолѣ нетронутыя курганы Суздальской земли, столь обильной историческими воспоминаніями, а потомъ неоднократно привлекаетъ другихъ дѣятелей къ подобнымъ изысканіямъ въ разныхъ краяхъ Россіи.

Въ убѣжденіи, что для успѣховъ науки о русскихъ древностяхъ, при настоящемъ ея положеніи, необходимо участіе въ ея разработкѣ многихъ изслѣдователей, гр. Уваровъ прилагаетъ настойчивыя старанія къ тому, чтобы привлечь возможно большее число силъ на это поприще и создать у насъ такіе ученые центры, которые имѣли бы спеціальною цѣлью изученіе памятниковъ русской старины. Такъ, едва кончивъ университетъ, онъ уже является, въ 1846 г., въ числѣ членовъ-основателей здѣшняго Археологическаго Общества, въ трудахъ котораго не перестаетъ, до самаго переселенія своего въ Москву, принимать живѣйшее участіе, а по переѣздѣ въ нашу древнюю столицу созидаетъ и тамъ Общество археологовъ, все время служитъ для него душою и оживляетъ его дѣятельность и своими собственными трудами, и денежными пожертвованіями для его предпріятій.

Другою существенно-плодотворною мѣрою для достиженія той же цѣли графъ Алексѣй Сергіевичъ считалъ учрежденіе въ разныхъ городахъ Россіи археологическихъ съѣздовъ, которые, по его выраженію, «общеніемъ всѣхъ ученыхъ силъ развили бы и самую археологію и общественную любовь къ ней, обезпечивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и сбереженіе русскихъ памятниковъ». Глубокое убѣжденіе въ пользѣ этой мѣры одушевляло его многолѣтнія, горячія заботы объ ея осуществленіи, и вполнѣ его заслугу составляетъ тотъ блестящій успѣхъ, какой до сихъ поръ имѣли археологическіе съѣзды въ шести главныхъ городахъ Имперіи.

Принимая близко къ сердцу разные вопросы археологій, представляющіеся наиболѣе неотложными, гр. Уваровъ обогатилъ науку и собственными изслѣдованіями, и цѣлымъ рядомъ работъ другихъ ученыхъ, вызваннымъ тѣми задачами, которыя были имъ предлагаемы.

Наконецъ, 29-ти-лѣтнее существованіе при нашей Академіи Уваровскихъ наградъ громко свидѣтельствуетъ о любви графа Алексѣя Сергѣевича къ наукѣ и объ его благоговѣніи къ памяти достославнаго его родителя. Съ преміями его имени, въ лѣтописяхъ науки, связаны важнѣйшіе историческіе труды являвшіеся у насъ въ теченіе болѣе чѣмъ четверти столѣтія.

Къ соисканію наградъ графа Уварова въ настоящемъ году было доставлено самими авторами двѣнадцать сочиненій, относящихся къ различнымъ предметамъ русской и славянской исторіи. Въ этомъ числѣ было десять печатныхъ трудовъ и два рукописныхъ. Кроме того, въ соисканіи участвовало два сочиненія, отложенныя отъ предшествовавшаго Уваровскаго конкурса.

Для разсмотрѣнія этихъ четырнадцати сочиненій и для присужденія премій, Общимъ Собраніемъ Академіи была назначена особая комсія, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ гг. Академиковъ: Я. К. Грота, А. Ф. Бычкова, М. И. Сухомятина, А. Н. Веселовскаго, И. В. Ягича, Н. В. Калачова и А. А. Куника.

По предварительномъ просмотрѣ переданныхъ на ея судъ трудовъ, комсія избрала для каждаго изъ нихъ рецензентовъ, отчасти изъ своей среды, отчасти изъ числа постороннихъ ученыхъ, и пригласила ихъ сообщить подробные разборы сочиненій къ опредѣленному для того сроку.

По истеченіи этого срока, комсія признала необходимымъ три сочиненія отложить до Уваровскаго конкурса будущаго года, по той причинѣ, что рецензіи этихъ сочиненій не были доставлены тѣми лицами, которыя приняли на себя ихъ разсмотрѣніе.

Затѣмъ, по выслушаніи рецензій на прочіе конкурсные труды и по обсужденіи сравнительнаго достоинства этихъ послѣднихъ, комсія положила нижеслѣдующія пять сочиненій удостоить меньшихъ Уваровскихъ наградъ (по 500 руб. каждая).

Исторія славянскаго перевода символовъ вѣры. А. Гезена. С.-Петербургъ. 1884 г.

Подробный разборъ этого сочиненія былъ, по приглашенію комисіи, составленъ доцентомъ Московской Духовной Академіи Григ. Александр. Воскресенскимъ, признавшимъ за нимъ несомнѣнныя и выдающіяся достоинства.

Г. Гезенъ поставилъ себѣ задачей возстановить, насколько возможно, по имѣющимся даннымъ, первоначальный текстъ славянскаго перевода разныхъ символовъ вѣры и затѣмъ указать послѣдовавшія съ теченіемъ времени измѣненія въ этомъ текстѣ. Изслѣдованію текста символовъ вѣры онъ предпослалъ краткій очеркъ исторіи перевода ихъ на славянскій языкъ.

Принимая во вниманіе безусловную необходимость общепонятнаго символа вѣры, а съ другой стороны исторически доказанныя частныя обращенія южныхъ и западныхъ славянъ, начиная съ VII вѣка, авторъ приходитъ къ убѣжденію въ томъ, что славянскій переводъ символа былъ сдѣланъ еще до св. Кирилла и Меодія, хотя окончательную редакцію онъ могъ получить лишь послѣ изобрѣтенія славянской азбуки, когда св. первоучители приступили къ своей апостольской дѣятельности. Изъ того, что въ IX столѣтіи, въ Восточной церкви, при совершеніи таинствъ, былъ уже во всеобщемъ употребленіи символъ 2-го вселенскаго константинопольскаго собора, г. Гезенъ заключаетъ, что именно этотъ символъ былъ переведенъ первоначально св. Кирилломъ; что же касается до никейскаго символа, то онъ, какъ менѣе необходимый, могъ быть переведенъ нѣсколько позже, св. Меодіемъ, вмѣстѣ съ номоканономъ. Кромѣ этихъ двухъ символовъ, можетъ быть извлеченъ еще апостольскій символъ іерусалимской церкви изъ древне-славянскаго перевода Оглашеній или Огласительныхъ поученій св. Кирилла Іерусалимскаго. Авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе съ апостольскаго символа іерусалимской церкви, а затѣмъ переходитъ къ символу никейскому и, наконецъ, къ константинопольскому. Въ заключеніе онъ представляетъ опытъ исторіи перевода тѣхъ отдѣльныхъ греческихъ словъ, которыя оставались не переведенными въ первоначальной редакціи славянскихъ символовъ.

Представивъ общій очеркъ содержанія разсмотрѣнной имъ книги, почтенный рецензентъ перечисляетъ присоединенныя къ ней приложенія, состоящія частью изъ фототипическихъ и одного

хромофотографическаго снимковъ, частію же изъ замѣтокъ критико-палеографическаго характера, и затѣмъ уже входитъ въ обстоятельный разборъ труда г. Гезена, дополняя и разъясняя различныя его частности своими замѣчаніями и указаніями.

«Небольшой по объему трудъ этотъ — говоритъ г. Воскресенскій въ концѣ своей рецензіи — предлагаетъ весьма много данныхъ для основательнаго ознакомленія съ избраннымъ предметомъ. Предметъ же изслѣдованія г. Гезена совсѣмъ почти не былъ до него затронутъ наукою. Трудъ автора — самостоятельный, обработанный на основаніи первоисточниковъ, со всею тщательностію, съ выдающеюся филологическою опытностію и съ явною любовію къ этому дѣлу, требовавшему многочисленныхъ справокъ въ старинныхъ памятникахъ, разсѣянныхъ по разнымъ бібліотекамъ, и кропотливаго разбора многихъ мелкихъ, а между тѣмъ важныхъ подробностей. Изслѣдованіе г. Гезена составляетъ несомнѣнно весьма полезное изданіе какъ вообще для славянскои филологіи, такъ и въ частности для изученія постепеннаго развитія христіанскои терминологіи въ славяно-русскомъ языкѣ и для справокъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается словъ и выраженій символа вѣры, напр. при опроверженіи неправыхъ сужденій нашихъ раскольниковъ о словахъ символа: «нѣсть конца» (вмѣсто не будетъ), «истиннаго» (вмѣсто Господа) и т. д. Трудъ г. Гезена составляетъ несомнѣнный вкладъ и въ духовную, или богословскую литературу, такъ какъ авторъ изслѣдовалъ такой важный для нашихъ богослововъ вопросъ, какъ вопросъ о переводахъ символа вѣры. Изслѣдованіе г. Гезена вполне соответствуетъ современнымъ требованіямъ науки и критики. Многостороннее изученіе славянскаго перевода символовъ вѣры достаточно обезпечиваетъ его отчетливую оцѣнку и сообщаетъ выводамъ автора твердость и устойчивость. Разграниченіе редакцій опирается на рядъ данныхъ, повторяющихся въ однородныхъ спискахъ и придающихъ каждой группѣ своеобразный отпечатокъ.

О подвигахъ Филарета, митрополита Московскаго, въ дѣлѣ перевода Библии на русскій языкъ. Историко-критическое изслѣдованіе Ивана Корсунскаго. Москва. 1883 г.

Сочиненіе это состоитъ изъ двухъ частей, исторической и критической. Въ первой части авторъ рассматриваетъ и излагаетъ подвиги митрополита Филарета по переводу Библии на русскій языкъ:

въ періодъ дѣйствій Россійскаго Библейскаго Общества (1814—1825 гг.) въ царствованіе Императора Александра Павловича; затѣмъ въ царствованіе Императора Николая I, когда переводъ Библии остановленъ былъ по несочувствію этому дѣлу со стороны высшей духовной власти, и, наконецъ, въ царствованіе Императора Александра Николаевича, когда переводъ былъ возобновленъ по предложенію митрополита Филарета, принимавшаго потомъ дѣятельное участіе въ самомъ совершеніи этого дѣла.

Желая основать свой приговоръ о трудѣ г. Корсунскаго на сужденіи о немъ вполнѣ компетентнаго критика, комисія обращалась съ просьбой разсмотрѣть этотъ трудъ къ своему члену - корреспонденту И. А. Чистовичу.

Удовлетворяя этой просьбѣ, многоуважаемый знатокъ нашей церковной исторіи сообщилъ намъ подробную рецензію, въ которой, послѣ краткаго очерка содержанія фактической части сочиненія г. Корсунскаго, останавливается со вниманіемъ на критической сторонѣ его изслѣдованія. Въ ней онъ дѣлаетъ сводъ тѣхъ общихъ и частныхъ основоположеній и правилъ, которыми митрополитъ Филаретъ самъ руководился и другихъ училъ руководиться въ дѣлѣ перевода Библии на русскій языкъ. Авторъ насчитываетъ десять такихъ основоположеній; но изъ нихъ первыя три, по мнѣнію г. Чистовича, не имѣютъ, собственно говоря, значенія подобныхъ основъ, такъ какъ заключаютъ въ себѣ не руководственныя правила для перевода Библии, а воззрѣнія митрополита Филарета на сравнительное достоинство и значеніе источниковъ православнаго богословія; четвертый и пятый тезисы заключаютъ въ себѣ общія нравственныя истины и потому также не имѣютъ значенія правилъ для перевода Библии. То, что авторъ называетъ правилами, заключается только въ 8—10 пунктахъ, именно въ 8-мъ о текстахъ, съ которыхъ надлежитъ дѣлать переводъ, въ 9-мъ о порядкѣ веденія дѣла перевода, или о томъ, съ какихъ священныхъ книгъ начинать переводъ, и въ какой послѣдовательности вести его; наконецъ, въ 10-мъ пунктѣ изложены частныя правила перевода. За изложеніемъ установленныхъ Филаретомъ правилъ перевода въ сочиненіи г. Корсунскаго слѣдуетъ разсмотрѣніе самыхъ трудовъ митрополита Филарета по переводу Библии, причѣмъ авторъ сопоставляетъ ихъ съ упомянутыми правилами и сравниваетъ съ переводами, сдѣланными другими лицами. На основаніи этого, авторъ приходитъ къ заключенію, что переводы митрополита Филарета имѣли вліяніе на послѣдующіе переводы, и во многихъ слу-

чаяхъ, по точности, близости къ подлиннику и чистотѣ языка, стоятъ выше ихъ, хотя иногда въ этихъ отношеніяхъ и уступаютъ позднѣйшимъ переводамъ. Кромѣ рассмотрѣнія печатныхъ переводныхъ трудовъ митрополита Филарета, авторъ предлагаетъ и довольно обширное извлеченіе изъ хранящагося въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи рукописнаго сборника замѣтокъ и поправокъ митрополита, относящихся къ переводу Новаго Завѣта въ 1858—1862 гг.

Въ исторической части книги г. Корсунскаго, по замѣчанію г. Чистовича, собственно не заключается новыхъ фактовъ и новыхъ свѣдѣній, которыя не были бы прежде извѣстны. Но авторъ дополнилъ эти свѣдѣнія весьма многими и любопытными подробностями, заимствованными изъ изданной, уже послѣ смерти митрополита Филарета, переписки его съ разными лицами и изъ различныхъ статей въ духовныхъ и свѣтскихъ журналахъ, въ которыхъ находится много свѣдѣній о событіяхъ и лицахъ, имѣвшихъ какое-либо отношеніе къ переводу Библии на русскій языкъ. Подробности эти, въ особенности извлеченіе изъ писемъ самого митрополита Филарета, вводятъ насъ, такъ сказать, въ самые тайники его душевныхъ состояній, особенно въ тяжкія времена предубѣжденія противъ него и его образа мыслей въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія. Трудъ автора въ собраніи этого матеріала рецензентъ признаетъ значительнымъ, а изложеніе его, своею живостію и стройностію, за исключеніемъ нѣкоторыхъ повтореній, постоянно поддреживающимъ вниманіе читателя, не только не утомляющимъ его, но и привлекающимъ къ дальнѣйшему чтенію книги.

Что же касается критическаго отношенія автора къ матеріалу, которымъ онъ пользовался, то оно вызываетъ критика на нѣкоторыя замѣчанія. Въ свойствахъ самой задачи, поставленной авторомъ, уже заключаются условія неполнѣ благопріятныя для опредѣленія ея точныхъ границъ. Въ такомъ большомъ и сложномъ дѣлѣ, какъ переводъ Библии на русскій языкъ, которое продолжалось болѣе полувѣка, и въ которомъ принимали участіе многія лица, конечно, трудно выдѣлать то, что относится исключительно къ подвигамъ митрополита Филарета и несомнѣнно ему принадлежитъ; во многихъ случаяхъ онъ дѣйствовалъ, со всею мощію своего ума и со всею силою своего вліянія, въ обществѣ другихъ лицъ, и окончательный видъ этихъ трудовъ составляетъ результатъ не единоличнаго подвига, а коллективнаго труда многихъ лицъ.

Между тѣмъ, поставивъ себѣ задачей изображеніе подвиговъ митрополита Филарета, г. Корсунскій, въ отношеніи къ нему, держитъ неизмѣнно панегирической тонъ, причѣмъ значительно и не всегда съ со строгою правдою понижаетъ тонъ относительно лицъ, которыхъ считаетъ не благопріятствовавшими Филарету, или которыя почему-либо не привлекли къ себѣ сочувствія автора. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, онъ не вѣрно понимаетъ и истолковываетъ свой богатый матеріалъ; въ другихъ — онъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Какъ на одну изъ особенно выдающихся погрѣшностей автора, рецензентъ указываетъ на то, что, съ какою подробностью ни изложено имъ содержаніе записки митрополита Филарета, которая была представлена владыкой въ Св. Синодъ въ 1845 г. подъ заглавіемъ: «о догматическомъ достоинствѣ и охранительномъ употребленіи греческаго LXX и славянскаго переводовъ священнаго писанія», однако она не нашла себѣ еще бѣльшаго вниманія со стороны автора, тогда какъ онъ значительно увеличилъ бы интересъ своей книги, если бы показалъ, сколько возможно, научное и церковное достоинство и значеніе означенной записки, если бы объяснилъ, въ чемъ заключается сущность, и въ чемъ состоятъ твердые пункты предложенной митрополитомъ Филаретомъ системы соглашенія текстовъ еврейскаго, греческаго и славянскаго, а также въ какой мѣрѣ она принимаема была въ соображеніе при переводѣ Библіи, сдѣланномъ и изданномъ по благословенію Святѣйшаго Синода?

Относительно сдѣланнаго авторомъ, съ цѣлію оцѣнки переводовъ митрополита Филарета, сличенія множества текстовъ въ переводахъ другихъ лицъ, г. Чистовичъ признаетъ, что подобное сличеніе стоило ему, конечно, весьма большаго труда, но что этотъ трудъ едва ли вознаграждается тѣмъ выводомъ, къ которому пришелъ г. Корсунскій, тѣмъ болѣе, что послѣдній приговоръ о достоинствахъ каждаго отдѣльнаго перевода вообще и въ частныхъ случаяхъ произносится лицомъ, котораго компетентность въ этомъ дѣлѣ ничѣмъ и никѣмъ не засвидѣтельствована.

Не смотря на указанные и нѣкоторые другіе недостатки разсмотрѣннаго имъ труда, почтенный критикъ заканчиваетъ свое сужденіе о немъ свидѣтельствомъ, что, по высокой важности предмета, который г. Корсунскій избралъ для своего изслѣдованія, по богатству собраннаго имъ матеріала и по стройному и одушевленному изложенію, оно составляетъ весьма цѣнный вкладъ въ нашу церковно-историческую литературу. При всей спеціальности задачи,

которую поставилъ себѣ авторъ, сочиненіе его заключаетъ въ себѣ весьма важные матеріалы вообще для исторіи отечественной церкви въ первой половинѣ текущаго столѣтія, для характеристики лицъ, составлявшихъ церковное правительство въ то время, и для исторической оцѣнки образа ихъ дѣйствій.

Дарданеллы, Босфоръ и Черное море въ XVIII вѣкѣ. Очерки дипломатической исторіи Восточнаго вопроса. Г. Уляницкій. Москва. 1883 г.

Извѣстный специалистъ по международному праву, проф. О. О. Мартенсъ, съ готовностью принявшій на себя разсмотрѣніе труда г. Уляницкаго, въ своемъ отзывѣ о немъ, прежде всего замѣчаетъ, что литература исторіи Восточнаго вопроса весьма богата замѣчательными изслѣдованіями, авторы которыхъ старались выяснить причины зарожденія этого вопроса и фазисы его развитія вплоть до самаго новѣйшаго времени. Благодаря обнародованію въ послѣднее время бывшихъ до сихъ поръ неизвѣстными архивныхъ матеріаловъ по этому вопросу, историки и политическіе писатели съ особеннымъ рвеніемъ принялись за изслѣдованіе его преимущественно въ самое послѣднее время. Но всѣ эти богатые матеріалы еще не приведены въ систематическій порядокъ, и хотя уже имѣется въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ множество спеціальныхъ статей по Восточному вопросу, вызванныхъ болѣе или менѣе интересомъ времени, тѣмъ не менѣе всесторонней исторіи отношеній Россіи къ Оттоманской имперіи до сихъ поръ русская историческая литература еще не дала, не смотря на тотъ исключительный интересъ, который этотъ предметъ долженъ представлять для каждаго русскаго читателя.

Этотъ пробѣлъ въ нашей литературѣ, по словамъ рецензента, значительно пополняется сочиненіемъ г. Уляницкаго. Послѣдняя война Россіи съ Турціей, ея результаты и возбужденныя ею пререканія объ исторической миссіи Россіи на Востокъ «побудили его изслѣдовать исторію русской дипломатіи по отношенію къ Восточному вопросу. Онъ задался цѣлью выяснить, въ чемъ заключался, въ частности, въ XVIII вѣкѣ, историческія традиціи и задачи русской политики на Востокъ. Результатъ, къ которому онъ приходитъ, заключается въ томъ положеніи, что «вопросы національный и вѣроисповѣдный были лишь въ зародышѣ и служили пока лишь однимъ изъ средствъ Россіи въ ея стремленіи къ обез-

печенію своихъ ближайшихъ интересовъ, каковыми были безопасность русско-татарской границы и экономическое развитіе окраинъ того времени.

Г. Уляницкій желалъ доказать, что всѣ отношенія Россіи къ Турціи преимущественно были направлены къ тому, чтобы добиться свободы прохода для русскихъ судовъ черезъ Босфоръ и Дарданеллы и вообще свободы судоходства на Черномъ морѣ. Онъ нашелъ возможнымъ, по собственному его выраженію, «выдѣлать» эту «экономическую» сторону Восточнаго вопроса, и посвятить ей отдѣльное, самостоятельное изслѣдованіе, съ тѣмъ, чтобы потомъ заняться «національною и вѣроисповѣдною» стороною отношеній Россіи къ Оттоманской имперіи.

Хотя, по мнѣнію рецензента, такой пріемъ изслѣдованія въ при-мѣненіи къ исторіи Восточнаго вопроса не можетъ быть признанъ вполне удачнымъ; тѣмъ не менѣе, должно отдать справедливость автору въ томъ, что онъ все-таки разрѣшилъ блестящимъ образомъ свою задачу и рельефно выставилъ ту сторону нашихъ отношеній къ Турціи, которая до сихъ поръ оставалась почти совершенно незатронутою. Г. Уляницкому, по службѣ его въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, были доступны всѣ хранящіяся въ этомъ образцовомъ архивѣ сокровища, относящіеся до исторіи отношеній Россіи къ иностраннымъ державамъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи специалистомъ по международному праву, авторъ естественнымъ образомъ останавливался, при изученіи архивныхъ источниковъ, преимущественно на такихъ вопросахъ, которые мало представляютъ интереса для историка, но весьма любопытны съ точки зрѣнія упомянутой науки. Богатство обнаруженныхъ имъ въ первый разъ матеріаловъ весьма значительно, и уже въ этомъ отношеніи его трудъ представляется драгоцѣннымъ вкладомъ въ нашу историческую литературу. Однако онъ не ограничился обнаруженіемъ множества новыхъ дипломатическихъ документовъ, а сдѣлалъ попытку и освѣтить ихъ съ точки зрѣнія экономическихъ интересовъ, которые Россія преслѣдовала въ своихъ отношеніяхъ къ Оттоманской Имперіи. Его сочиненіе распадается на три отдѣла I) введеніе, обнимающее торговыя сношенія на Черномъ морѣ и черезъ проливы въ древнія времена; II) время отъ завоеванія Константинополя до Турецкихъ войнъ Петра I-го и III) время отъ конца XVII вѣка до Кучукъ-Кайнарджійскаго мира 1774 года.

Отзываясь похвально о цѣли разбираемаго имъ труда и о спо-